А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 128** **29 мая 2025 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката Г. и адвоката Ш., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Г. от … (вх. № … от …) в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы … года вынесла заключение о нарушении адвокатом Ш. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9, п. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан … избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения; адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует …; адвокату следует воздерживаться от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц), выразившемся в том, что … года в ходе съемок телепередачи «Закон и порядок», показанной в эфире российского федерального телеканала «ТВ Центр» … года (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела № …, находящегося в производстве К. межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ч. Республике, в котором он не участвует, а также допустил в них порицание лица, подозреваемого в совершении преступления («…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по

ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца»), что противоречит принципу презумпции невиновности и нарушает права В., задержанного по подозрению в совершении данного преступления.

Заявитель – адвокат Г. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии не согласился, указав, что его суждения относились к видеозаписи, но не относились непосредственно к доверителю адвоката Г., имени которого он не только не называл, но и не знал его в тот момент, когда давал свой комментарий. Цели нарушить его права и затруднить защиту он не преследовал и не мог преследовать по указанной причине. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Ш. выразил сожаление о том, что, давая комментарий, он не учел общие профессионально-этические требования к публичному поведению адвоката.

Совет, рассмотрев заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства полно и правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить объем дисциплинарного обвинения и квалификацию дисциплинарного нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

… года в ходе съемок телепередачи «Закон и порядок», показанной в эфире российского федерального телеканала «ТВ Центр» … года (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела № …, находящегося в производстве К. МРСО СУ СК РФ по Ч. Республике, в котором он не участвует. В этом комментарии содержались, в частности, следующие высказывания: «…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца».

Факт дачи указанного комментария и его содержание достоверно установлены в результате дисциплинарного разбирательства и признаются адвокатом Ш.

Оценивая содержание этого комментария адвоката Ш. на предмет его соответствия профессионально-этическим требованиям и с учетом выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет отмечает следующее.

В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку адвокат Ш. давал указанный выше комментарий именно в этом качестве, и его адвокатский статус был указан в титрах вместе с его именем и фамилией, его принадлежность к адвокатскому сообществу была очевидной.

Согласно требованиям п. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует, а также от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц.

Приведенное выше содержание публичного комментария адвоката Ш. этим требованиям явно не соответствует, поскольку в нем комментируются обстоятельства деяния, являющегося предметом расследования по уголовному делу, в котором адвокат Ш. не участвовал и не участвует. Кроме того, приведенные выше суждения адвоката Ш. представляют собой публичное порицание лица, совершившего это деяние, кто бы этим лицом ни являлся.

Об этом свидетельствует употребление адвокатом Ш. в комментарии выражений с откровенно негативной эмоциональной окраской: «глаза злые», «злодей», противопоставление «злых глаз» «злодея» «улыбающемуся хозяину магазина».

Помимо этого, публично комментируемые действия неизвестного ему лица, при совершении которых адвокат Ш. не присутствовал и обстоятельства которых не знает, он квалифицирует как совершение особо тяжкого умышленного преступления – убийства. Об этом, вопреки доводам адвоката Ш. об обратном, свидетельствуют содержащиеся в комментарии его утверждения о «тщательно спланированном» и «точно продуманном» преступлении в сочетании со словами «с одного выстрела убивает».

При этом адвокат Ш. как профессиональный советник по правовым вопросам не может не знать, что в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Он также не может не знать о том, что вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его последствиям. Формами вины являются умысел и неосторожность. Согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку. Пункт 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ предусматривает, что виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу.

При этом в силу ч. 1. ст. 28 УК РФ «деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть». Помимо этого, статьями 37-42 УК РФ предусмотрен ряд обстоятельств, устраняющих преступность деяния.

Согласно части 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Согласно ч. 1 ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Адвокату Ш. при даче анализируемого комментария было достоверно известно об отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, которым какое-либо лицо было бы признано виновным в совершении убийства при обстоятельствах, являвшихся предметом его комментария. Само по себе ознакомление с видеозаписью, полученной с камеры видеонаблюдения, со всей очевидностью такой приговор не заменяло и заведомо не давало адвокату Ш. оснований для приведенных выше утверждений о том, что зафиксированное этой видеозаписью деяние является убийством.

По этим причинам приведенные выше высказывания адвоката Ш. не могут рассматриваться как сделанные с позиций права и в соответствии с профессионально-этическими требованиями, поскольку они построены на преждевременных, субъективных и осуждающих оценках, формирующих негативное отношение к любому лицу, заподозренному в совершении анализируемого им деяния. Кроме того, эти высказывания адвоката Ш. явились прямым следствием игнорирования им свойственной адвокатской деятельности правозащитной функции. Являясь актом грубого попрания основополагающего принципа презумпции невиновности, приведенные публичные высказывания адвоката Ш. способствуют формированию у неопределенного круга лиц представления об адвокатуре как о сообществе, члены которого могут добровольно содействовать правоохранительным органам, поддерживая их обвинительную деятельность через публичные утверждения о совершении кем-либо преступлений в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда. Это, в свою очередь, наносит ущерб авторитету адвокатуры и способствует подрыву доверия к ней.

Совет также отмечает, что адвокат Ш. не осуществлял профессионального участия в уголовном деле – в частности, не представлял интересы потерпевшего. Следовательно, его обвинительные и порицающие комментарии не были обусловлены исполнением профессиональных обязанностей по участию в судопроизводстве и не были направлены на защиту чьих-либо прав в установленном законом порядке. По этим причинам

они также не могут рассматриваться как допустимые с точки зрения этических стандартов адвокатской профессии.

Поскольку публичная функция, связанная с представлением и анализом информации о законодательных процессах, состоянии правосудия, реализации и защите прав и свобод граждан является продолжением профессиональной деятельности адвоката, Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации утверждены Рекомендации по взаимодействию со средствами массовой информации (Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21 июня 2010 года (протокол № 5), с изменениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2024 года (протокол № 18) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2010. № 3 (29). С. 33–37; официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <https://fparf.ru>). Согласно абз. 3 преамбулы данных Рекомендаций корпоративная культура адвокатского сообщества предполагает следование общим критериям, подчиненным общей миссии и назначению адвокатуры, которая является неполитической организацией и существует для осуществления юридической защиты прав и свобод человека. Кроме того, данные Рекомендации предусматривают, что:

– «Адвокатам следует тщательно готовиться к выступлениям в СМИ: по возможности обговорить с журналистом вопросы, на которые он готов отвечать, а также предложить представить окончательный текст выступления на согласование во избежание неточностей и ошибок. Желательно заранее отвести вопросы, на которые адвокат не вправе давать ответы» (п. 1.5);

– «Адвокаты должны выступать в СМИ с позиций права» (п. 2.1);

– «Адвокат должен давать точную правовую оценку противозаконным и противоправным действиям, направленным против личности, ущемляющим права и свободы человека» (п. 2.3);

– «Адвокат ограничен требованиями профессиональной этики. Выступая в СМИ, он должен давать себе отчет в том, что по его выступлению судят обо всей корпорации. Высказывая мнение по тому или иному вопросу, он должен уточнить, чье это мнение – его собственное или конкретного органа (организации), который он представляет. Адвокат вправе высказывать собственное мнение, но при этом каждый раз должен уточнять, что это его личная позиция, а не позиция всего сообщества или организации, в которой он работает» (п. 3.1);

– «Комментарии событий и фактов должны быть конкретными и компетентными. Прежде чем высказать собственную точку зрения, необходимо точно, без политических, корпоративных или групповых оценок, изложить фабулу дела» (п. 5.1);

– «Излагая свою точку зрения, следует опираться на факты, действующие нормы закона и правоприменительную практику» (п. 5.2);

– «Адвокат не несет ответственности за возможную интерпретацию СМИ его публичных выступлений. Тем не менее, общаясь с журналистами,

давая комментарии по тому или иному правовому вопросу, адвокату, по возможности, следует следить за тем, чтобы его слова не были преподнесены массовой аудитории в искаженном виде» (п. 5.4);

– «Выступления с комментариями по существу «громких» дел, в которых адвокат не участвует, публичная оценка существа этих дел, высказывание о виновности или невиновности обвиняемых расценивается адвокатским сообществом как непрофессиональное поведение и заслуживает порицания» (п. 5.5);

– «Донося до СМИ информацию по конкретным делам о судебных спорах организаций и граждан, следственных и иных процессуальных действиях, адвокат должен руководствоваться презумпцией невиновности, не допускать необоснованных, не подкрепленных точными фактами и материалами дела суждений и умозаключений, соблюдать тайну следствия и адвокатскую тайну (в том числе, если речь идет о его процессуальных противниках)» (п. 6.1).

Этим требованиям, установленным органом адвокатского самоуправления в соответствии с его компетенцией и в силу этого обязательным для всех адвокатов, публичные высказывания адвоката Ш. также не соответствуют.

Совет соглашается с доводом адвоката Ш. о том, что на момент дачи комментария он не был осведомлен о личности подозреваемого, и по этой причине не намеревался нарушить права именно Васильева В.Г., впоследствии привлеченного к уголовной ответственности за совершение деяния, видеозапись которого адвокат Ш. комментировал. Этот довод не опровергнут, и по этой причине Совет полагает необходимым исключить из дисциплинарного обвинения адвоката Ш. указание на то, что его действия «нарушают права Васильева В.Г., задержанного по подозрению в совершении данного преступления». Совет также исключает как избыточную квалификацию дисциплинарного нарушения адвоката Ш. по п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку оно полностью охватывается квалификацией по п. 5 ст. 9 и п. 2.1 и 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет подчеркивает, что вне зависимости от этого обстоятельства адвокат Ш. как лицо, обладающее специальными знаниями в области права, а также специальным статусом, и в силу этого обязанное соблюдать все профессионально-этические требования, должен был учитывать, что по подозрению в совершении преступления может быть задержано конкретное лицо, и в этом случае его комментарии неизбежно будут восприниматься как описание поведения и характеристики конкретного лица, заподозренного в совершении преступления. В связи с этим адвокат Ш. был не вправе предрешать вывод суда о виновности даже неизвестного ему лица в совершении преступления (убийства) и высказывать негативные, порицающие суждения в его адрес.

Грубо нарушив предписания п. 5 ст. 9, п. 2.1 и 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также игнорируя вышеприведенные

Рекомендации, адвокат Ш. не обеспечил компетентность и профессионально-этическую корректность своего комментария, сведя его к субъективной и преждевременной оценке деяния как тщательно спланированного и продуманного особо тяжкого преступления – убийства, что предполагает виновность в его совершении конкретного лица вне зависимости от того, было ли оно известно адвокату Ш. на момент дачи комментария.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката Ш. не соответствовало требованиям законодательства и профессиональной этики, в силу чего признает его поведение недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры, презумпцию его добросовестности – опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения при описанных обстоятельствах – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований профессиональной этики. Совет также учитывает, что адвокат Ш. допущенное нарушение признал, выразил сожаление в связи с его совершением, имея значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При указанных обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ш. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ш. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений п. 5 ст. 9, п. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан … избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»;

«адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует …»; «адвокату следует воздерживаться от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц»), выразившееся в том, что 03 января 2025 года в ходе съемок телепередачи «Закон и порядок», показанной в эфире российского федерального телеканала «ТВ Центр» … года (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела № …, находящегося в производстве К. межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ч. Республике, в котором он не участвует, а также допустил в них порицание лица, подозреваемого в совершении преступления («…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца»), что противоречит принципу презумпции невиновности.

Первый вице-президент
Адвокатской палаты города Москвы **И.А. Поляков**